С. Г. Карпюк

А ПОСЛЕ БЫЛА ВОЙНА: ДИСКУССИЯ 1940 ГОДА О ХАРАКТЕРЕ КРИТО-МИКЕНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В статье рассматривается важное событие в истории изучения древности в СССР – обсуждение главы В.С. Сергеева для «Всемирной истории», которое вылилось в острую дискуссию о характере крито-микенской цивилизации (Москва, АН СССР, март 1940 г.). Большинство участников дискуссии высказались против отстаиваемых Б.Л. Богаевским взглядов на крито-микенское общество как общество по своей природе первобытнообщинное, признав его близким по типу к раннерабладельческим обществам Древнего Востока. Дискуссия обозначила окончательный отказ от социологизаторских взглядов 1920–30-х годов и поворот к «предвоенной стабильности» в исторической науке о древности: безоговорочное признание «генеральной линии», выраженной в «Кратком курсе истории ВКП(б)», давало возможность советским историкам сравнительно спокойно заниматься конкретно-историческими исследованиями.

Ключевые слова: историография советская, древняя история, Греция, Крит, Сергеев, Богаевский, ВДИ («Вестник древней истории»).

Накопление исторических знаний и прогресс исторической науки не идут равномерно; наряду с периодами постепенного, поступательного развития случаются и периоды быстрого роста, и знаковые события, отзвук которых слышится очень долго. Одним из подобных событий в изучении истории древнего мира в СССР стала дискуссия о характере крито-микенской цивилизации («эгейской культуры»), по выражению тех лет), которая проходила в Москве в конце марта 1940 г.

Материалы дискуссии были опубликованы достаточно быстро: подробный отчет – в ВДИ, № 2 за 1940 г., более краткий – в «Историческом журнале» № 7 за 1940 г. Поражает оперативность публикации материалов: дискуссия проходила 27 и 28 марта, а ВДИ, № 2 был сдан в набор 31 марта. Впрочем, этот материал мог быть добавлен и позже: номер был подписан в печать с огромным опозданием, 5 сентября 1940 г.

Дискуссия эта была настолько неординарным событием, что знаменитый советский востоковед И.М. Дьяконов вспоминал о своем присутствии на этой дискуссии почти четыре десятилетия спустя, 15 ноября 1979 г., в оппонентском отзыве на защите докторской диссертации Ю.В. Андреева: «Характеру крито-микенской цивилизации в советской науке была посвящена дискуссия 1940 г., в которой и мне довелось участвовать. Историки-марксисты согласились в том, что эта цивилизация была раннеклассовой»¹. Конечно же, эту

Карпюк Сергей Георгиевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ Андреев 2004, 445.

дискуссию не обошли вниманием и авторы историографических трудов. Так, Э.Д. Фролов отмечал, что «большинство советских ученых еще до войны, во время дискуссии, проходившей в Институте истории в 1940 г., отвергли тезис Б.Л. Богаевского о родовом, примитивно-коммунистическом характере крито-микенского общества»². Похожие положения содержатся и в позднесоветском учебнике по историографии³, и в юбилейной статье А.И. Павловской⁴, и в других трудах, в которых эта дискуссия рассматривалась исключительно с точки зрения проблемы формационной характеристики крито-микенской цивилизации. Между тем данная дискуссия, по моему мнению, очень показательна для характеристики функционирования советской исторической науки в последние предвоенные годы: в ней принимали участие многие ученые из Москвы и Ленинграда, причем не только историки-античники, и она подробно освещалась в научной периодике.

В середине 1930-х годов в советской исторической науке происходят заметные перемены: в 1934 г. открываются исторические факультеты университетов. В том же году после переезда президиума АН СССР в Москву начинается создание головных академических институтов в Москве и в их числе Института истории. В 1937 г. упраздняется Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК), сыгравшая столь неоднозначную роль в исторических дискуссиях конца 20-х – первой половины 30-х годов. Первоочередной задачей советских историков стало написание марксистских учебников для средней и высшей школы, а также многотомной «Всемирной истории», в которой исторический процесс должен был рассматриваться с марксистских позиций. В 1938 г. вышел «Краткий курс истории ВКП(б)», в котором в параграфе «О диалектическом и историческом материализме» (гл. IV, § 2) вся история рассматривалась как череда формаций, отличающихся одна от другой по способу производства (так называемая «пятичленка»)⁵. Древний мир характеризовался как рабовладельческая формация, сменившая, в свою очередь, первобытно-общинный строй⁶. Подготовка первых томов «Всемирной истории» стояла на повестке дня (впрочем, на повестке дня эта подготовка, по разным причинам, стояла очень долго, вплоть до первой половины 50-х годов). А в ней формационная принадлежность того или иного исторического периода должна была иметь четкое обозначение. Поэтому установление формационной принадлежности той или иной цивилизации имело для советских историков первостепенное значение.

Исследование сравнительно недавно открытой (раскопки А. Эванса в Кноссе начались в 1898 г.) крито-микенской цивилизации в те годы приковывало внимание ученых⁷. Расшифровка линейного письма стояла на повестке дня (хотя ее задерживало нежелание А. Эванса предоставлять для всеобщего пользования открытые им тексты), приходили сведения о новых открытиях (знаменитый пиловский архив был открыт американскими учеными в 1939 г.). В библиотеки СССР поступала зарубежная литература по данной тематике. В ВДИ, 1939, № 3 была опубликована статья Артура Эванса «Критское линейное письмо».

Написание главы о крито-микенской культуре было первоначально поручено ленинградскому ученому Б.Л. Богаевскому, который считался ведущим специалистом в СССР по этой тематике. В молодости он принимал участие в раскопках А. Эванса в Кноссе, и за 15 лет им было опубликовано немало работ по древней истории Крита и ранней

² Фролов 2006, 453.

³ Историография 1980, 338.

⁴ Павловская 1987, 3–17.

⁵ «Истории известны пять *основных* типов производственных отношений: первобытно-общинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический» (История 1938, 119).

⁶ История 1938, 119–120. Подчеркивалось также, что влияние географической среды не являлось определяющим фактором исторического развития (История 1938, 113).

⁷ Будущий главный редактор ВДИ С.В. Киселев в 1940 г. критиковал, к примеру, коллегу-археолога А.В. Арциховского за невнимание к этой «крупнейшей цивилизации восточного Средиземноморья» и считал, что «такое невнимание к крито-микенской культуре невыгодно отразилось и на лекции о древностях Греции» (Киселев 1940, 133).

Греции⁸. Именно Б.Л. Богаевский как представитель ГАИМК был командирован Главнаукой на VI Международный конгресс историков в Осло в 1928 г., где выступил с докладом «Боги гончарного искусства минойского Крита». Работа над главой «Всемирной истории» шла достаточно споро: в конце 1939 г. Б.Л. Богаевский представил главу под названием «Население материковой и островной Греции на различных этапах развития первобытно-общинного строя в восточном Средиземноморье», а 15 декабря 1939 г. после обсуждения на бюро главной редакции «Всемирной истории» «при участии специалистов по истории первобытного общества и древней истории выяснилось, что глава совершенно неприемлема, во-первых, вследствие предвзятой точки зрения автора, пытающегося уложить разнообразную и яркую эгейскую культуру в прокрустово ложе первобытного общества, во-вторых, вследствие неудачной формы изложения, непригодной для “Всемирной истории”, рассчитанной на широкие круги советской интеллигенции»⁹. Новый вариант был заказан заведующему кафедрой истории древнего мира МГУ В.С. Сергееву, который незадолго до этого опубликовал статью «Эгейский мир» в «Историческом журнале», а также соответствующий раздел в учебнике по истории древней Греции¹⁰. Именно его вариант и должны были обсудить участники дискуссии.

Важно представить, как вообще проходили научные дискуссии в СССР в 1930-е годы. По воспоминаниям современников, дискуссии в ГАИМК зачастую носили откровенно грубый характер, на них была перенесена стилистика партийных дискуссий, иногда – с соответствующими оргвыводами. Примерно за пять лет до дискуссии 1940 г. А.В. Мишулин, возглавлявший тогда московское отделение ГАИМК, подвергся уничтожающей критике, граничащей с оскорблениями, со стороны ленинградского руководства¹¹. Таков был стиль научных дискуссий в этом научном учреждении, и поэтому неудивительно, что упразднение ГАИМК было с облегчением встречено многими учеными¹².

Как же проходила дискуссия 27 и 28 марта 1940 г.? Местом ее проведения было здание в Москве на улице Волхонка, в доме 14, где к тому времени располагались Отделение истории и философии и гуманитарные институты АН СССР. Академия наук была переведена из Ленинграда в Москву в 1934 г.; было сформировано и функционировало московское отделение Института истории, в котором был образован сектор древней истории. После преобразования (а в сущности – ликвидации) ГАИМК в 1937 г. именно институты АН СССР наряду с университетами стали главными координирующими центрами развития гуманитарных наук в стране.

Дискуссию проводило Отделение истории и философии АН СССР на расширенном заседании своего бюро под председательством академиков А.М. Деборина и Б.Д. Грекова. Для обсуждения собрались ученые – историки, этнографы и археологи – из Москвы и Ленинграда. Присутствие на дискуссии никак не ограничивалось: было много сотрудников и аспирантов московских вузов, молодой тогда ученый И.М. Дьяконов приехал из Ленинграда, хотя и не выступал. Участники дискуссии сначала заслушали доклад В.С. Сергеева, а потом перешли к прениям, в которых выступило 12 участников. Итоги двухдневной дискуссии (если быть точным, она продолжалась два вечера) подвели А.В. Мишулин (заведующий сектором древней истории) и Б.Д. Греков (директор Института истории АН СССР).

⁸ Первая обширная книга – Богаевский 1924. Последняя публикация – рецензия в ВДИ (Богаевский 1939). О его биографии и научных трудах см. справку И.В. Тункиной в биографическом словаре членов Русского археологического общества (Тункина 2015).

⁹ Шепунова 1940а, 205.

¹⁰ Сергеев 1939а; Сергеев 1939б.

¹¹ Московское отделение ГАИМК располагалось на улице Волхонка, в доме 14. Мемуарист даже связал, без особых на то доказательств, арест и осуждение в 1936 г. руководителей ГАИМК Ф.В. Кипарисова, С.Н. Быховского и А.Г. Пригожина с активностью московских археологов (Ельницкий 2014, 59).

¹² «В 1937 году ГАИМК был преобразован в ИИМК и влит в состав АН СССР... На деле это было благом. С митингово-комиссарским стилем ГАИМК было покончено. Профессиональный подлинно научный стиль работы входил в свои права» (Формозов 2006, 71). Впрочем, принципы, выработанные ГАИМК, стали теоретической основой исторической науки в СССР (Лурье 2004, 150).

В.С. Сергеев был талантливым оратором (как и автором). «В своем докладе проф. Сергеев старался в ярких образах воссоздать жизнь крито-микенского общества, совершенно не касаясь многочисленных гипотез и не вводя всей черновой работы, в результате которой он пришел к своим выводам»¹³. Он сосредоточил свое внимание на периоде расцвета критской цивилизации и на основании данных Артура Эванса утверждал о наличии государства на Крите, охарактеризовав его как раннерабовладельческое.

Затем выступил главный оппонент В.С. Сергеева, Б.Л. Богаевский, доклад которого был очень длинным, продолжался не менее двух часов и сопровождался показом многочисленных фотографий, причем «за недостатком времени» докладчику пришлось сократить свои объяснения. Б.Л. Богаевский считал, что Эванс стремился сознательно преувеличить размеры помещений Кносского дворца, которые в действительности функционально близки к родовым домам пуэбло, а не к царскому дворцу. Сама форма подачи материала (длинные комментарии к фотографиям), очевидно, не вызывала энтузиазма у большинства присутствующих. Докладчик защищал точку зрения, прямо противоположную взглядам В.С. Сергеева, рассматривая критское общество в качестве первобытнообщинного. Б.Л. Богаевский подчеркивал, что изучение крито-микенской культуры он вел не один, а в составе группы исследователей, а В.С. Сергеев не знаком с работами ленинградских ученых. Действительно, в общих трудах ГАИМК (к примеру, в «Истории рабовладельческих обществ» А.И. Тюменева – Известия ГАИМК. 1935. Т. 111) крито-микенская эпоха была представлена как последняя стадия бесклассового общества. Эту концепцию А.И. Тюменев заимствовал у Б.Л. Богаевского¹⁴.

Дискуссия (которая проходила, очевидно, на следующий день) превратилась, по сути, в обсуждение концепции Б.Л. Богаевского, автора первоначального варианта соответствующей главы для «Всемирной истории». Его точка зрения была поддержана двумя другими ленинградскими учеными, его единомышленниками: академиком А.И. Тюменевым и профессором А.Н. Дальским. Оба они «предостерегали от увлечения Эвансом» и исходя из своего понимания марксизма отрицали возможность регресса Эгейского мира после падения критской цивилизации. «Проф. Дальский обвиняет далее проф. Сергеева в том, что он следует за буржуазным ученым Эвансом, возражая против “новой, несомненно передовой концепции проф. Богаевского”»¹⁵.

«Все остальные участники обсуждения, критикуя работу проф. Сергеева в деталях, соглашались с ним по основным вопросам: во-первых, с оценкой крито-микенского общества как классового, с централизованной государственной властью, по типу своему приближающегося к древневосточному рабовладельческому обществу; во-вторых, с тезисом об упадке Крита после 1400 г. до нашей эры и о наличии перерыва в истории Эгейского мира между эпохой Крита и примитивным гомеровским обществом»¹⁶. Какие аргументы выдвигали сторонники существования государства на Крите? С.П. Толстов ссылаясь на «Краткий курс истории ВКП(б)» и решительно отвергал намеки Б.Л. Богаевского на «монархизм» его оппонентов¹⁷. По мнению С.П. Толстова, «нельзя вести борьбу с буржуазными концепциями упрощенно, методом вульгаризации...»¹⁸.

Ведущую роль в подготовке дискуссии сыграл, несомненно, А.В. Мишулин, главный редактор журнала «Вестник древней истории», который к 1940 г. стал уже органом АН СССР.

¹³ Шепунова 1940а, 206. В своей главе для «Всемирной истории» В.С. Сергеев стремился «в ярких, запоминающихся образах дать увлекательную картину жизни критского общества. Это достоинство главы “Эгейский мир” было отмечено большинством выступавших, его признал и главный оппонент – проф. Б.Л. Богаевский» (Шепунова 1940б, 135).

¹⁴ Raskolnikoff 1975, 146. Not. 145.

¹⁵ Шепунова 1940а, 208. А.Н. Дальский был учеником и коллегой Б.Л. Богаевского; в своей работе о зрелищах на Крите он характеризовал Кнос как родовое поселение (Дальский 1937, 14). В 1957 г. о А.Н. Дальском писали: «старейший научный сотрудник Института истории партии Ленинградского обкома партии» (Сидорова 1997, 153).

¹⁶ Шепунова 1940б, 136.

¹⁷ Шепунова 1940а, 213.

¹⁸ Шепунова 1940а, 214.

Задача подготовки первых томов «Всемирной истории» была отражена в написанных А.В. Мишулиным передовых статьях ВДИ. Незадолго до дискуссии в ВДИ были опубликованы статья Артура Эванса (в действительности перевод главы его книги – ВДИ, 1939. № 3, а в № 4 – обширная рецензия Б.Л. Богаевского¹⁹). А.В. Мишулин информировал собравшихся, что глава Б.Л. Богаевского не была утверждена ни сектором древней истории Института истории, ни бюро главной редакции «Всемирной истории» и подытожил, что «дискуссия прошла в основном нормально и плодотворно». А.В. Мишулин был не только главным редактором ВДИ, но и партийным функционером, что видно по стилистике выступления и по начальственно-покровительственному тону. Дискутируя о происхождении критского государства, он поучал коллегу: «Мы с проф. Артамоновым не должны торопиться. Нужно терпеливо ждать нового материала, который бы позволил по-научному разрешить этот вопрос»²⁰.

Каковы же были «оргвыводы»? Возможно, отсылая к дискуссиям времен ГАИМК, А.В. Мишулин констатировал, что «5–6 лет назад было неоправданно сильное увлечение первобытной историей»²¹, и признавал, что в изучении Крита много неясного. Однако, по его убеждению, для «Всемирной истории» дискуссионная постановка вопроса недопустима, посему «на современном уровне наших знаний правильной точкой зрения, разделяемой большинством специалистов, является точка зрения проф. Сергеева, которую и нужно принять». Однако далее А.В. Мишулин призвал московских и ленинградских ученых к совместной работе и предложил продолжить дискуссию на страницах ВДИ. Б.Л. Богаевский приглашался к дальнейшему сотрудничеству с ВДИ; в его адрес было высказано пожелание заниматься не только вопросами «социологии Крита», но и конкретно-исторической проблематикой²².

Академик Б.Д. Греков при подведении итогов дискуссии четко разделил два момента дискуссии: «с одной стороны, обсуждение главы проф. Сергеева для “Всемирной истории”, с другой – разрешение крупных научных вопросов». Первоначальный вариант главы был принят, и после внесения В.С. Сергеевым исправлений ее предполагалось обсудить вторично. Б.Д. Греков предложил Б.Л. Богаевскому «продолжить разработку вопроса для того, чтобы представить аргументы, которые могли бы убедить также и тех, кто с проф. Богаевским до сих пор не согласен»²³.

Итак, дискуссия закончилась, большинство его участников не поддержали точку зрения Б.Л. Богаевского и его сторонников. Впоследствии точка зрения В.С. Сергеева, отраженная и в дискуссии, и выраженная в учебнике по истории древней Греции 1939 г., была признана единственно правильной: «В учебнике убедительно показана ошибочность “теории” Б.Л. Богаевского о матриархате и доклассовом уровне крито-микенского общества, пользовавшейся популярностью до того времени и затормозившей марксистскую разработку этого важного раздела древнейшей истории бассейна Эгейского моря. Дальнейшая разработка этого круга проблем вплоть до настоящего времени идет по пути, предложенному В.С. Сергеевым»²⁴. Конечно, против недооценки роли общины на Крите выступал уже в 70-е годы Ю.В. Андреев²⁵, но в целом точка зрения В.С. Сергеева и сейчас не выглядит слишком уж архаично.

¹⁹ Богаевский 1939.

²⁰ Шепунова 1940а, 215.

²¹ Шепунова 1940а, 215.

²² Шепунова 1940а, 216.

²³ Шепунова 1940а, 218.

²⁴ Штаерман, Пикус 1951, 175.

²⁵ Ю.В. Андреев протестовал против «однозначных оценок» крито-микенской эпохи и справедливо указывал, что «уже в ходе дискуссии 1940 г. некоторые из ее участников (С.П. Толстов, А.В. Мишулин) призывали уделять больше внимания пережиткам первобытнообщинного строя и роли общины в жизни крито-микенского общества. Однако в то время эти призывы так и не нашли отклика» (Андреев 2004, 26).

Все, на первый взгляд, просто: научное сообщество в результате дискуссии поддержало «правильную, глубоко научную точку зрения», и отвергло ненаучную. Однако это только на первый взгляд. В.С. Сергеев никакой собственной научной аргументации не приводил, основывался на взглядах Эванса (и этого совершенно не скрывал); участников дискуссии подкупали легкость и доступность изложения, подходящая для «Всемирной истории» (об этом говорили многие выступавшие). Должны были существовать и другие причины неприятия аргументов Б.Л. Богаевского (или его самого как ученого).

Следует отметить, что Б.Л. Богаевский, выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета, историком не был и себя таковым не считал²⁶. Его аргументация носила характер, скорее, этнографическо-фольклористический. Подобного рода аргументация, безусловно, пришлась ко двору в «социологизаторскую эпоху» 20-х годов, однако после «реабилитации истории» в середине 30-х годов профессиональные историки не жаловали социологизаторство. Б.Л. Богаевский в глазах властей был, безусловно, лицом доверенным. Так, на VI Международном историческом конгрессе в Осло в 1928 г., где он оказался «волею судеб и Главнауки» (выражение М.И. Максимовой)²⁷, состоялся характерный разговор, который изложил М.И. Ростовцев: «“Вы меня презираете, Михаил Иванович?” Я ему ответил: “Не будем употреблять громких слов. Удивляюсь, как вы говорите такие марксистские глупости в ваших докладах”»²⁸. Б.Л. Богаевский в числе некоторых других представителей старой профессуры еще в 20-е годы согласился на роль «дипломированного лакея» новой власти, был автором работ «Ленин о первобытном коммунизме», «Археология на службе японского империализма», «Эгейская культура и фашистские фальсификаторы» (с предисловием Н.И. Бухарина) и т.п.²⁹

Конечно, нечто подобное писали и другие ученые в эти годы. Б.Л. Богаевский стремился «компенсировать свое опасное прошлое активными политическими выступлениями и прямыми доносами»³⁰, и его стоило опасаться. Обвинения в «увлечении древнеминойской монархией»³¹, которыми он осыпал своих противников, конечно же, в 1940 г. были неактуальны, но участвовавший в дискуссии Д.П. Каллистов (тогда еще Калистов) именно по обвинению в монархизме отбыл срок на Соловках и Волго-балте³². Поэтому позиция хорошо информированных и занимавших видные должности А.В. Мишулина и Б.Д. Грекова была крайне осторожной³³.

Может также показаться, что эта дискуссия продемонстрировала, прежде всего, расхождение между позициями московских и ленинградских историков: специалист по древнему Риму москвич В.С. Сергеев, используя свои номенклатурные возможности, добился утверждения своей точки зрения, оттеснив от написания главы для «Всемирной истории» ленинградского ученого Б.Л. Богаевского, который как раз был специалистом по данному периоду истории Греции. Конечно, В.С. Сергеева, заведующего кафедрой истории древнего мира МГУ, знали и ценили в московской научной среде, однако Б.Л. Богаевский также занимал важные административные должности³⁴ и пользовался поддержкой части ленинградских специалистов. В число близких по взглядам Б.Л. Богаевскому входил и В.В. Струве: они оба в конце 20-х годов были яркими поклонниками Марра³⁵. Однако, в отличие от академика Тюменева, академик Струве защищать взгляды своего коллеги в

²⁶ Богаевский 1916, IV–V.

²⁷ Тункина 1997, 99.

²⁸ Цит. по: Тункина 1997, 101.

²⁹ Формозов 2006, 46–47.

³⁰ Лурье 2004, 110.

³¹ Шепунова 1940а, 207.

³² Фролов 2013, 435.

³³ Д.П. Каллистов не любил распространяться о собственном происхождении (Фролов 2013, 434) и восстановил в своей фамилии двойное «л» только в «вегетарианское» время.

³⁴ Его должности в ЛГУ весной 1929 г.: «проректор учебной части, член деканата ямфака, зав. кабинетом археологии, зав. кабинетом древнего мира, председатель цикла древнего мира, председатель цикла истории религии...» (Лурье 2004, 110).

³⁵ Лурье 2004, 109.

Москву не приехал: безусловно, он был чуток к любому изменению политического курса и, несомненно, понимал, что взгляды Б.Л. Богаевского уже не пользуются безусловной поддержкой вышестоящих инстанций.

В дискуссии о характере крито-микенской цивилизации оба главных оппонента олицетворяли разные периоды развития советской науки о древности. Выдвинувшаяся научно-преподавательская элита конца 30-х годов защищала и себя, и историю как науку, прекрасно помня период «отмены истории» в конце 20-х годов³⁶, и Б.Л. Богаевский был для них символом этого периода. В.С. Сергеев, безусловно, признавал марксизм и был вполне лоялен власти. Однако в его статье по социально-политической истории раннеимператорского Рима, опубликованной в ВДИ, № 2 за 1940 г., как и хроника дискуссии, нет ни упоминания классиков марксизма-ленинизма, ни каких-то ссылок на их труды³⁷. Это уже принципиально другой стиль. Марксизм уже не воспринимается как поле для творчества, скорее – как необходимая догма.

Очевидно, дискуссия 1940 г. отличалась от дискуссий конца 20-х годов – начала 30-х годов, в которых тон задавала (псевдо)марксистская риторика. В историографии середина 30-х годов считалась и считается переломным моментом. Современные исследователи определили его как смену «своеобразного марксистского плюрализма» 20-х «своеобразной марксистской ортодоксальностью» второй половины 30-х годов и более позднего времени³⁸. Дискуссия о критской культуре стала маркером новой эпохи, когда «Краткий курс истории ВКП(б)» установил четкие правила игры для советских историков: признание существования рабовладельческой формации в древности давало возможность научного подхода в исследовании конкретно-исторической проблематики, учета и использования достижений «буржуазной» науки. Б.Л. Богаевский пытался дать интерпретацию среднеминойской фрески «в связи с недавно опубликованной рукописью Маркса», а А.Н. Дальский все еще предостерегал от «увлечения “старой” точкой зрения и поворота от передовой науки назад»³⁹. Неприятие подобного подхода чеканно выразил участник дискуссии С.П. Толстов: «Если Эванс говорит одно, неправильно думать, что все, сказанное наоборот, есть марксизм»⁴⁰.

Демагогические приемы Б.Л. Богаевского, свойственные дискуссиям более раннего времени, не встретили понимания; его обвинения своих оппонентов в «монархизме», поддержке взглядов зарубежных ученых были отвергнуты подавляющим большинством участников как неприемлемые для научной дискуссии. Напротив, подчеркивалась недостаточность сведений, предполагалась возможность пересмотра выводов в случае получения новых данных (надежды участников дискуссии были связаны, прежде всего, с дешифровкой критской письменности). А.Б. Ранович, к примеру, подчеркивал, что «если проф. Богаевскому в дальнейшем удастся доказать свою гипотезу, то во втором издании “Всемирной истории” глава эта будет пересмотрена»⁴¹.

Следует также отметить абсолютно здравый характер «орговыводов»: глава В.С. Сергеева была утверждена в качестве первоначального варианта для «Всемирной истории». В сущности, точка зрения, выраженная в этой главе, имеет немного противоречий с современными представлениями о крито-микенской цивилизации. Однако взгляды Б.Л. Богаевского не подверглись огульному осуждению: ему было предложено писать статьи для ВДИ, т.е. продолжать научную дискуссию. Таким образом, во «Всемирной истории», которая предназначалась для «широких кругов интеллигенции», авторы должны были представлять согласованную, выверенную, «правильную» точку зрения, но внутрикorporативные дискуссии на страницах ВДИ допускались. Острые, открытые

³⁶ Повторяющийся ночной кошмар профессора Н.А. Машкина: он снова преподает русский язык в Университете трудящихся Востока (Формозов 2011, 60–61).

³⁷ Сергеев 1940, 78–95.

³⁸ Крих, Метель 2014, 91 (вывод сделан на основании анализа учебников).

³⁹ Шепунова 1940а, 207–208.

⁴⁰ Шепунова 1940а, 214.

⁴¹ Шепунова 1940а, 215.

для общества и опасные для участников дискуссии 1920-х – первой половины 1930-х годов окончательно ушли в прошлое. Принцип разделения на информацию для специалистов, для интеллектуальной элиты (интеллигенции) и для масс восторжествовал. Советские историки смогли вздохнуть с облегчением. Эта ограниченная интеллектуальная свобода, как и возможность заниматься любимым делом даже под угрозой репрессий воспринимались как благо⁴².

«Широким массам» стало проще усваивать выработанную для них «генеральную линию». Хорошо ли это для общества – этот вопрос подлежит обсуждению. Но академической науке такие перемены, безусловно, пошли на пользу. Принцип «марксизм – отдельно, конкретно-исторические исследования – отдельно» позволял ученым «старой школы» приспособиться к новым реалиям. Вернувшийся в 1941 г. из Риги в Москву Р.Ю. Виппер, очевидно, не до конца понимал новые «правила игры» и говорил М.А. Алпатову, которого тогда курировал, что «старается подойти к марксизму и все тужил: у студента получается, а у меня, профессора, ни черта ни получается. Правда, студенту ничего не мешает, он мало знает, ему схему строить легко, мне труднее, но это люди, для которых история не то, что была для нас в свое время, – мешок с фактами»⁴³.

Результаты дискуссии, посвященной обсуждению главы для «Всеобщей истории», можно было бы оценить по публикации этой главы. Однако взгляд советских историков на историю древнего мира нашел свое отражение в двух первых томах «Всемирной истории», опубликованных лишь через 15 лет после дискуссии, в 1955 г. В первом томе многострадальной «Всемирной истории» автором соответствующей главы XV «Ранние рабовладельческие государства в Эгейском бассейне» был Я.А. Ленцман, причем написана она была уже исходя из твердокаменных марксистских позиций⁴⁴. Следы рукописи главы, написанной В.С. Сергеевым, теряются⁴⁵.

К счастью, благодаря Т.М. Шепуновой сохранился другой уникальный источник – опубликованный перед началом войны тиражом 200 экземпляров первый том «Истории культуры»⁴⁶. Это огромная (840 страниц большого формата) прекрасно иллюстрированная книга (много иллюстраций, включая цветные вклейки) была подписана к печати 10 марта 1941 г. Она прошла цензуру (в выходных данных есть номер уполномоченного Главлита), но была издана для обсуждения, на правах рукописи, причем все экземпляры пронумерованы. Раздел «Эгейская культура»⁴⁷ написан Т.М. Шепуновой, очевидно, по материалам В.С. Сергеева: Т.М. Шепунова, лаборант кафедры истории древнего мира МГУ в течение многих десятилетий, не имела самостоятельных научных трудов, но зато составила подробнейшие обзоры обсуждения главы В.С. Сергеева и для «Вестника древней истории», и для «Исторического журнала». В этом разделе эгейская культура рассматривается как соединяющее звено между древнейшими цивилизациями и античным миром, там нет никаких упоминаний классиков марксизма и марксистских постулатов, разве что в одном месте, применительно к Микенам, упоминается о рабовладении, крупном землевладении и тяжелой эксплуатации населения⁴⁸.

⁴² Воспоминания о ЛГУ конца 30-х годов: «Странная возможность существования истафовских Афин среди воплощенного в жизнь Апокалипсиса определялась еще тем, что некий *modus vivendi* сохранялся не только в составе профессоров, но и в самой науке. Рамки были установлены, но самое их существование ограничивало дальнейшие опыты чистого теоретизирования и открывалась возможность занятий конкретными вопросами. Убогий социологизм 20-х годов, изгонявший из истории конкретных лиц... был признан устаревшим; в истории можно было находить не только классовую борьбу...» (Лурье 2004, 150–151).

⁴³ Цит. по: Сидорова 1997, 173.

⁴⁴ Всемирная история 1955, 401–421.

⁴⁵ По сообщению А.А. Вигасина, ее не было в архиве сотрудницы и почитательницы В.С. Сергеева Т.М. Шепуновой.

⁴⁶ История культуры 1941. Благодарю А.А. Вигасина за возможность ознакомиться с этим томом.

⁴⁷ История культуры 1941, 271–290.

⁴⁸ История культуры 1941, 285; подобный подход характерен и для других разделов – ср., например, главу о Финикии, написанную Е.М. Штаерман (с. 191–199). Ссылки на классиков встречаются, в основном, во вводных параграфах разделов.

Середина 30-х годов справедливо рассматривается историографами как период возрождения событийной истории в СССР после более чем десятилетия марксистского социологизаторства⁴⁹. Дискуссия 1940 г. завершила формирование условий, необходимых для функционирования советской науки о древности: в 1934 г. были открыты центры преподавания – кафедры на исторических факультетах университетов, в 1937 г. был основан специализированный научный журнал – «Вестник древней истории», а к 1940 г. Академия наук СССР на многие десятилетия окончательно утверждает за собой роль главного организационного центра изучения древних обществ.

При этом марксистская методология активно внедрялась в учебники, но в ВДИ публиковались статьи по конкретно-исторической тематике, без отсылок к классикам марксизма. Передовицы ВДИ совмещали «защитную» функцию с деловыми рекомендациями (например специальное внимание к критике и библиографии). Вплоть до кампании по борьбе с «низкопоклонством» 1948–1949 гг. советские исследователи древности оставались в контексте мировой науки, своевременно реагировали на новые открытия и концепции своих западных коллег. Развитие советской науки о древности было прервано войной, но уже к 1941 г. складывается *modus operandi* советских историков древнего мира: безоговорочное признание «генеральной линии» давало возможность сравнительно спокойно заниматься конкретно-историческими исследованиями.

Пространство академических диспутов не могло быть отгорожено непроницаемой стеной от событий современности. В сентябре 1939 г. началась Вторая мировая война; ее отзвуки можно обнаружить на страницах ВДИ: редакция стремилась поддерживать баланс и публиковать обзоры и английских, и французских, и немецких научных журналов⁵⁰. Был опубликован подробный отчет о VI Международном археологическом съезде в Берлине, который состоялся за несколько дней до начала войны в Европе при поддержке высшего руководства Германии и который бойкотировали американские, английские и французские археологи⁵¹. Автором этого отчета был немецкий ученый Э. Диль из Митавы (ныне Елгава) в Латвии, которая вскоре после публикации обзора вошла в состав СССР.

Война сказалась и на судьбах многих участников дискуссии. Судьба главных действующих лиц сложилось печально: В.С. Сергеев умер 8 января 1941 г. Его некролог был опубликован в ВДИ, № 3–4 за 1940 г. (sic!)⁵². В нем были специально упомянуты его «глава “Всемирной истории” о крито-микенской эпохе и исключительный по интересу доклад на эту тему в заседании Отделения истории и философии, вызвавшей оживленную и плодотворную дискуссию, способствовавшую более правильной постановке этой важной исторической проблемы»⁵³. Жизнь Б.Л. Богаевского оборвалась в блокадном Ленинграде: он умер от голода в 1942 г.⁵⁴ Неоднократно упоминавшийся в дискуссии А. Эванс умер в Оксфордшире летом 1941 г., а еще раньше, в мае 1941 г. Дж. Пендлбери, один из его прежних сотрудников, умер от ран: его расстрелял немецкий «Юнкерс» во время «битвы за Крит» в мае 1941 г.

⁴⁹ См., например: Крих, Метель 2014, 90–91.

⁵⁰ Ельницкий 1940, 142–154.

⁵¹ Диль 1940, 214–216. Зато на нем блистал отличавшийся крайне правыми взглядами знаменитый греческий археолог С. Маринатос.

⁵² По разным причинам, как технического, так и «идеологического» характера, процесс печатания номеров ВДИ в тот период растягивался на четыре месяца, а иногда и больше. Этот – единственный по сей день – двоянный номер ВДИ был, судя по выходным данным, подписан в печать 31 декабря (!) 1940 г., что наводит на мысль об обычной в советское время «подгонке» отчетности.

⁵³ Некролог 1940, 382.

⁵⁴ Формозов 2006, 77; Тункина 2015.

Литература

1. *Андреев Ю.В.* 2004: Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI–VIII вв. до н.э. СПб.
2. *Богаевский Б.Л.* 1916: Земледельческая религия Афин. Т. I. Петроград.
3. *Богаевский Б.Л.* 1924: Крит и Микены (Эгейская культура). М.–Л.
4. *Богаевский Б.Л.* 1939: Мальти-Дорион (поселение Эгейского периода в западной Мессени) // ВДИ. 4, 125–133.
5. Всемирная история 1955: Всемирная история. Т. I / Ю.П. Францев и др. (ред.). М.
6. *Дальский А.Н.* 1937: Театрально-зрелищные действия на Крите и в Микенах во II тысячелетии до нашей эры. М.–Л.
7. *Диль Э.* 1940: VI Международный археологический съезд в Берлине (20–26 августа) // ВДИ. 1, 214–216.
8. *Ельницкий Л.А.* 1940: Обзор иностранных историко-археологических журналов за 1939 г. // ВДИ. 2, 142–154.
9. *Ельницкий Л.А.* 2014: Три круга воспоминаний. На паперти храма науки. М.
10. *Историография 1980: Историография античной истории / В.И. Кузищин (ред.). М.*
11. *История 1938: История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / Под редакцией комиссии ВКП(б). Одобрено ЦК ВКП(б). М.*
12. *История культуры 1941: История культуры. I. Первобытная культура. Древнейшие цивилизации. Античный мир. Средневековье / П.Ф. Юдин, М.О. Косвен, П.И. Кушнер (ред.). М. (на правах рукописи).*
13. *Киселев С.В.* 1940: Рец.: А.В. Арциховский. Введение в археологию. Издание МГУ, 1940 // ВДИ. 2, 132–134.
14. *Крих С.Б., Метель О.В.* 2014: Советская историография древности в контексте мировой историографической мысли. М.
15. *Лурье Я.С.* 2004: История одной жизни. СПб.
16. *Некролог 1940: Некролог. Профессор В.С. Сергеев // ВДИ. 3–4, 381–382.*
17. *Павловская А.И.* 1987: 50 лет работы журнала «Вестник древней истории» АН СССР // ВДИ. 3, 3–17.
18. *Сергеев В.С.* 1939а: Эгейский мир // Исторический журнал. 6 (июнь), 79–91.
19. *Сергеев В.С.* 1939б: История древней Греции. М.
20. *Сергеев В.С.* 1940: Принципат Тиберия. К вопросу о социальной природе императорской власти в Риме // ВДИ. 2, 78–95.
21. *Сидорова Л.А.* 1997: Оттепель в исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия. М.
22. *Тункина И.В.* 1997: М.И. Ростовцев и Российская Академия наук // Скифский роман / Г.М. Бонгард-Левин (ред.). М., 84–123.
23. *Тункина И.В.* 2015: Богаевский Борис Леонидович. Биографический словарь членов Русского археологического общества (1846–1924) // Жебелёв С.А. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования (1897–1921): Исторический очерк, составленный действительным членом общества С.А. Жебелёвым / И.В. Тункина (отв. ред.). СПб., 2015 (в печати).
24. *Формозов А.А.* 2006: Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. 2-е изд. М.
25. *Формозов А.А.* 2011: Записки русского археолога (1940–1970-е годы). М.
26. *Фролов Э.Д.* 2006: Русская наука об античности. Историографические очерки. Изд. 2-е. СПб.
27. *Фролов Э.Д.* 2013: Профессор Дмитрий Павлович Каллистов (1904–1973). Штрихи к портрету // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 13, 433–446.
28. *Шепунова Т.М.* 1940а: В Академии наук СССР. Дискуссия об эгейской культуре (Обсуждение главы для III тома «Всемирной истории») // ВДИ. 2, 204–218.
29. *Шепунова Т.М.* 1940б: По историческим учреждениям. В Академии наук СССР. Обсуждение главы «Эгейский мир» для III тома «Всемирной истории» // Исторический журнал. 7 (июль), 135–139.
30. *Штаерман Е.М., Лукус Н.Н.* 1951: Памяти проф. В.С. Сергеева // ВДИ. 2, 166–178.
31. *Raskolnikoff M.* 1975: La recherche soviétique et l'histoire économique et sociale du monde hellénistique et romain. Strasbourg.

AND THEN THERE CAME WAR: THE YEAR 1940 DISCUSSION ON THE CHARACTER OF THE CRETO-MYCENAEAN CIVILISATION

Sergey G. Karpyuk

The article is devoted to an important event in the history of the study of antiquity in the Soviet Union, namely, the discussion of the chapter written by V.S. Sergeyev for “World History” which resulted in a sharp debate on the character of the Creto-Mycenaean civilisation (Moscow, the USSR Academy of Sciences, March 1940). Most of the participants argued against B.L. Bogayevsky’s considering the Creto-Mycenaean society as that of basically primitive communal type, and suggested its similarity to early slave-holding systems of the Ancient East. The discussion meant the final rejection of the 1920-s – 1930-s sociologising views and a turn towards the “pre-war stability” in the study of ancient history: unconditional acceptance of the “general line” as expressed in the “Short Course of the All-Union Communist Party of Bolsheviks” made it possible and relatively safe for the Soviet historians to engage in specific historical research.

Keywords: Soviet historiography, ancient history, Greece, Crete, V.S. Sergeyev, B.L. Bogayevsky, VDI (Journal of Ancient History).

Institute of World History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

oxlos@yandex.ru